

ГОСУДАРСТВО БЕЗ ИДЕИ – ПРОСТО НАСЕЛЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Ершов Юрий Геннадьевич
доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии и культурологии
УрАГС

Одна из основ жизнеспособности современного государства – его национально-цивилизационная идентичность, представляющая собой сложный комплекс взаимосвязанных и взаимопроникающих практик индивидуального и коллективного самоопределения, неотделимых от повседневной жизни гражданского общества и функционирования политических институтов. Идентичность выступает как система социальных стратегий и тактик определения положения общества в историческом времени и пространстве, как единство самовосприятия нации в контексте различения с другими системами социокультурных ценностей, как самотипизация по определенному основанию, обеспечивающему собственную неповторимость и уникальность.

Правда, уже в самом начале разговора об идентичности возникает проблема неизбежного несоответствия прежних способов самоидентификации в новой социальной действительности, тем самым – кризиса и разрушения идентичности. Сторонники постструктуралистской методологии указывают на избыточность метафизических постулатов самоидентификации и признания универсальных структур человеческого бытия. Указываются такие характерные черты постсовременности как ее избыточность – избыточность социальных институтов, вещей, информации, человеческих контактов, знаков и репрезентаций, ведущая к утрате

целостности и гармоничности воспроизводства социума, внутренней раздробленности как персональной, так и коллективной идентичности. Если в традиционном обществе идентичность обеспечивается соответствием жизнедеятельности социума идеально-нормативным образцам, а в индустриальном обществе социальная реальность уже начинает раскалываться и профанировать к повседневности, то в постсовременности быстрота и радикальность социальных изменений ведут к дифференциации и смешению различных типов идентичности, ее тотальному разрушению. В зависимости от условий дискурса происходит отказ от единой целостной идентичности в пользу множественных и меняющихся идентичностей; включение в мир происходит не через приобщение к трансцендентным ценностям, но через соотнесение с виртуальной реальностью, продуцируемой массмедиа, по логике манипуляции поведением потребителей и структур глобализованного и унифицированного рыночного общества.

Да, разумеется, в постсовременном обществе многоуровневая взаимозависимость социальных субъектов и индивидов приводит к неопределенности и размывости социально-значимых ориентиров самоидентификации. Но глобализация вызывает закономерный ответ в виде роста этнокультурного национализма, утверждающего вполне определенные метафизические ценности; кроме того, прежде чем Россия «впишется» в постсовременность, она должна восстановить себя в качестве национального государства, преодолеть хроническую незавершенность цивилизационной идентификации.

Как справедливо отмечается, «если будущее за большими поликультурными сообществами, к которым, безусловно, относится Россия, то их консолидация невозможна без позитивно окрашенной идентичности», в основании которой «...общие культурные ориентиры, логика культурного единства в многообразии»¹.

По этим причинам, несмотря на предшествующие неудачные попытки, а может быть, именно поэтому, считаю необходимой разработку вполне «классической» проблемы – проблемы национальной идеи. Для этого приведу не менее «классические» аргументы.

В национальной идее происходит самоидентификация национальной (этнической, в иных случаях метаэтнической или расовой) общности людей через наделение их приверженностью общим

целям и ценностям, культивирование в духовных и социальных практиках сопричастности общей исторической памяти, судьбы, символики.

Национальная идея включает в себя самые существенные черты различных видов исторической памяти: о происхождении и предках народов, их образе и уровне жизни, формах государственного устройства, истоках родного языка, эпосе, традициях и обычаях, моральных и социальных нормах, культурных обрядах прошлого и принятии религии, об исторически сложившихся формах общения с другими народами.

Внешнее агрессивное давление, потеря макросоциального статуса государства, борьба за политическую суверенность и национальную независимость и т.п. усиливают саморефлексивность национальной идеи, обращенность к собственным основаниям в новых исторических условиях. В этом плане национальная идея не является застывшим образованием, подвержена изменениям, сопряженным с радикальными переменами в жизни народа, обогащается, деформируется, вырождается, сохраняя при этом устойчивое ценностно-смысловое ядро.

Национальная идея волнообразно отражает неравномерность исторического процесса, приобретая динамичность и действенность в переломные периоды жизни народа, обострения тревоги за судьбу отечества, взлеты национального самосознания. При этом своеобразие исторической ситуации определяет избирательность интеллектуального и эмоционального отношения к содержанию национальной идеи, ее преломление в оценках современного положения государства.

Трансцендентность национальной идеи как системы ценностей в универсальности их смысла по отношению к преходящим и прагматичным национальным интересам.

Гносеологически национальная идея - когнитивно-аффективный образ, форма полагания значений исторической судьбы народа и человечества в их взаимной связи в ценностно-смысловом континууме национальной культуры, ментальная репрезентация особых черт и атрибутов народа и его государства, их прошлого опыта и будущих задач.

Аксиологически национальная идея - комплекс и иерархия наиболее устойчивых ценностей, а также постоянных или периодически возобновляемых идеологических и социально-психологических установок национального самосознания, претендующих на предельно точное и полное выражение существенной специфики национальной культуры, выявление вечных, неизменных начал, просвечивающих через эмпирическую повседневность и исторические изменения.

На вершине иерархии располагаются трансперсональные и трансгрупповые ценности - цели, значения социального характера, т.е.

определяющие основания социального порядка. Их распространение и закрепление создает сферу нормативного регулирования, претендующего на перекрытие различий в вариантах осмысления ценностей национальной идеи; они образуют «символический универсум» (П. Бергер и Т. Лукман), существующий как матрица всех социально-объективированных и субъективно-реальных значений, нормативно обуславливающих когерентный способ понимания действительности.

В структуре национальной идеи выделяются следующие аспекты:

- дескриптивный, описывающий черты, своеобразие национального характера и менталитета, необходимые для выработки собственного взгляда на мир, освобождение от устаревших, либо извне приходящих идей, выступающий основой поиска собственной идентичности, исторического призвания и судьбы.

- нормативный, задающий идеальный образ будущего человека, общественного и государственного устройства; здесь культурно-историческая функция национальной идеи заключается в достижении цивилизационной идентичности - обретения внутренней гармонии универсума ценностей, обеспечивающей максимальное совпадение норм-целей и норм-ограничений, претензий и возможностей их удовлетворения.

- метафизический (трансцендентный) - вопрошание о высшем смысле бытия народа и попытка постижения «Божьего закона» - «Ибо идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» (Вл. Соловьев).

Национальная идея является категорией социальной онтологии, означающей базисное представление о структуре и свойствах социально-исторической реальности, типологизирующая социально-исторические ситуации.

Национальная идея - мировоззренческая схема, возникающая при выходе национальной культуры в своем развитии на границу взаимодействия с другими культурами и рефлексивно вернувшаяся к себе как «другой культуре», в дальнейшем развивающаяся как результат внутри- и межкультурного диалога. Поэтому национальная идея по своему генезису и последующей жизни всегда вписана в региональный и культурно-цивилизационный контекст как потому, что ее содержательная специфика познается только в сравнении, так и потому, что универсальность ее метафизических оснований может быть обнаружена и интегрирована при сопоставлении со сходными феноменами. То есть, духовное богатство национальной идеи сосредотачивается в последних вопросах о смысле бытия как некоторое «вопросительно-ответное» соотношение всеобщей идеи с другой идейной всеобщностью.

Национальная идея - продукт осмысления как

лично и группового (политическая и духовная элиты), так и рационального опыта, своеобразный код взаимодействия индивида с внешней средой, определяющей его глубинные ориентации, норму реакции и модель поведения. Это самопрезентация долговременных форм поведения, идей и принципов, соответствующих лингвистических практик, центром которых выступает аскеза – высшие, надмирные, трансцендентные ценности. Вывода за пределы непосредственной данности мира, они становятся в своем мироотношении принципами практического освоения и преобразования мира.

Национальная идея стремится к интеграции людей на уровне смыслообразующих структур человеческой жизнедеятельности, задающих основные ценностные ориентиры и установки, характер производственной и потребительской деятельности, тип межличностного общения.

В национальной идее можно выделить типы инвариантных отношений, которые возникают между индивидами как элементами целостной биосоциальной системы: отношения к пространству и времени (первичная персонализация пространства, присвоение ресурсов, семейно-брачные и межпоколенные отношения, забота о потомстве и характер воспитания); отношения по распределению социальных ролей (отношение доминирования-подчинения, ранжирования целей, характер воспроизводства власти): отношения, устанавливающие и поддерживающие социальное единство («мы-они»), эмпатия, дружба, коллективное самоуважение).

В конструктивной ипостаси национальная идея способна инициировать и поддерживать активность

и волевую целеустремленность, творческую роль исторического опыта как широких масс, так и элиты общества в солидарном единстве и взаимоподдержке, принятии ответственности за будущее нации.

Национальная идея при условии достаточной этнической отстраненности способна до определенного предела выполнять функцию объединения различных этносов и этнических групп в единое государственное или политическое целое с перспективой превращения в ценностно-смысловое ядро, духовную основу цивилизационного (метаэтнического) характера.

Позитивное развитие национальной идеи более всего присуще периодам стабильности общественных отношений, когда значимые исторические события и оценки исторических персонализаций, включенные в национальную идею, в основном неизменны. Скачкообразные сдвиги в социальной действительности нарушают преемственность национальной идеи, повышают противоречивость и узость ее интерпретаций.

Подводя итоги, замечу: при всей важности учета разнообразных векторов самоидентификации (этнический, политический, религиозный и т.д.) и избитости темы Русской идеи, решение проблемы модернизационного прорыва – тем самым, сохранение макросоциального лица России, вне национально-цивилизационного самоопределения невозможно.

1 См.: Семененко И.С. Культурные факторы и механизмы формирования российской национально-цивилизационной идентичности на рубеже XXI в. // Политические исследования. 2004. № 1. С.113.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РУССКАЯ ИДЕЯ

Л.Г. Фишман

Фишман Леонид Гершевич
кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

В России уже давно, со времен В. Соловьева, поднимается вопрос о «русской идее», хотя до сих пор никто точно не знает, что это такое. Впрочем, если большинство пишущих и говорящих о русской идее и не могут ее четко сформулировать, то они все-таки достаточно ясно представляют, какой она должна быть. Они знают, чего от нее хотят, какие функции она должна выполнять. В целом эти функции таковы: русская идея должна придавать смысл существованию русскому народу и государству, также она является ключевым моментом русского самосознания. Иначе говоря, русская идея – это одновременно идея национальной идентичности и идея исторической миссии русского народа. Из такого понимания вытекает и мысль о том, что правильно сформулированная русская идея должна лечь в основание новой русской национальной идеологии, если такая когда-нибудь будет создана.